

Девятьсот девяносто шестой добросовестно наводил порядок в материалах, собранных для хозяина. И верно: Чжан Тяньсинь действительно отыскал крайне хитроумный и труднодоступный путь для прорыва.

Спасибо тому, что и злодей, и главный герой в своё время подписали лицензионные соглашения на использование научных трудов и диссертаций; спасибо здешней системе авторского права — короче говоря, он без труда смог разыскать докторские монографии обоих, и даже их бакалаврские дипломы обнаружились в архивах. Блуждая среди древовидных и сетевых сплетений научной литературы, Чжан Тяньсинь разразился искренним и полным восхищения вздохом:

— Разрешить опубликовать бакалаврскую работу — это они, а вот выставить напоказ своё творчество — это я.

Впрочем, они вполне оправдывали статус главных злодея и героя маленького мирка: даже при четырехлетнем не слишком специализированном общем образовании их дипломные работы не скатывались до банальных обзорных статей. Непрерывная система обучения от бакалавра до доктора предъявляла определенные требования к академическим способностям студентов, и в их выпускных проектах уже отчетливо прослеживалась прочная исследовательская база, а направления будущих изысканий только зарождались. Чжан Тяньсинь просидел над бумагами добрую половину вечера, пролистал почти половину тома, и лишь тогда вспомнил о своей изначальной цели.

— Ты написал обзорную статью или нет? — повернувшись, он перекинул вопрос на Девятьсот девяносто шестого.

Система вспорхнула прямо перед его носом, с шуршанием развернула два отдельных экрана, и на них четко проступила ментальная карта, едва ли не утыкаясь Чжан Тяньсиню в лоб.

Пожалуй, этим он пытался показать, что хоть какой-то реальной работой всё же занимался... Хозяин поспешно выразил признательность за старания Девятьсот девяносто шестого, после чего вновь со сосредоточенным видом погрузился в изучение.

— ...Довольно странно, — бормотал он.

С тех пор как он попался в этот маленький мирок, он слишком часто произносил эту фразу в адрес Юй Вэйчжэня и Гун Сюминя. Девятьсот девяносто шестой уже научился не допытываться, что именно здесь кажется странным — Чжан Тяньсинь всегда сам исчерпывающе объяснял это вслух.

— То, что главный герой участвовал в разработке прогностических моделей, в общем-то, не удивляет. Его вектор исследований предельно четок, и даже энциклопедическая справка не выглядит преувеличением... Но слишком уж агрессивно.

Чересчур агрессивно.

В двадцать лет это еще можно понять. Но ближе к тридцати — явный перебор. Именно в этом заключались сомнения Чжан Тяньсиня: Гун Сюминь выглядел человеком, который напролом несет по выбранному пути. Проще говоря, он явно не хлебнул житейских и социальных тягот. Если действующие криминальные прогностические модели РРС не слишком расходились с его теориями, то с учетом столь юного возраста и солидного багажа знаний Гун Сюминь должен был занимать в этой структуре поистине ключевую фигуру.

Научные изыскания Юй Вэйчжэня в области технологической этики лежали в несколько иной плоскости, более тонкой и прикладной, и в них было не так-то просто уловить прямую связь с сюжетной линией. Его формулировки и стиль изложения удивительно гармонировали с его собственным внешним образом: рациональные, сдержанные и мягкие.

— Такой расклад... раз уж у них такой расклад... — Чжан Тяньсинь вновь переадресовал вопрос Девятьсот девяносто шестому. — Ты уверен, что Гун Сюминь — главный герой? С чего мне вдруг кажется, что у него склад ума куда ближе к злодейскому?

Девятьсот девяносто шестой отрезал, что уверен на все сто, и эта часть информации поступала не от него, а была заложена платформой по умолчанию!

Чжан Тяньсинь в растерянности принялся покусывать губу.

Мгновение спустя человек и система уселись бок о бок и принялись транслировать на экран Особое мнение.

— Гляди-ка, — произнес Чжан Тяньсинь. — Дежавю настигает меня именно здесь: технологическая этика, власть и коррупция, границы личной свободы... В моем родном мире, когда этот фильм только вышел на экраны, в сфере искусственного интеллекта еще не было даже общепринятого понимания подобных высот. Люди относились к опасностям с огромной настороженностью, особенно когда чувствовали, что кто-то посягает на их личные границы.

Чем выше человек взбирается, чем большим владеет, тем размытее становятся границы правил, и тем острее он реагирует на сами эти правила.

Они перестают взвешивать риски и выгоды от соблюдения или нарушения законов... Вместо этого они пытаются сами стать теми, кто эти законы устанавливает, или на худой конец обрести над ними рычаги влияния. Взаимно отчуждаясь от свода правил, они в конце концов срastaются с самой этой системой.

Главное отличие РРС от системы «Пророк» заключается в том, что она порождена технологиями, и в ходе этого процесса ни единый «пророк» не страдает. Шутливо вздохнув, он продолжил:

— Искусственный интеллект собирает информацию о поведении через сеть и не способен по-настоящему достучаться до человеческих нервов. При работе с колоссальными массивами данных понятия меньшинств не существует, а значит, нет и почвы для судебных ошибок. Всё, что выведет логика модели, абсолютная истина.

У подозреваемых в «преступлениях до их совершения» оставалось пространство для апелляций, но опровергнуть эмпирические данные было практически невозможно. Каждое их разногласие, любая эмоциональная реакция, малейшее изменение настроения отражались в речи, мимике, движениях тела... всё фиксировалось историей просмотров и поисковых запросов в интернете, уличными камерами, автомобильными видеорегистраторами и прочим. Сеть «Небесное око» сплеталась в прочную паутину, оплетая каждого человека без единой лазейки.

Чжан Тяньсинь был вынужден признать, что логика работы РРС самодостаточна и надежна. Программа была лишена предвзятости — или, вернее сказать, любые перекосы можно было пресечь путем корректировок. И именно этим занимался Гун Сюминь, гарантируя безупречность системы. Его личные полномочия и уровень допуска определенно были весьма высоки, оттого и информация о нем в глобальной сети выглядела столь гладкой и причесанной. Помимо энциклопедических справок и статей, всё остальное было донельзя стерильным: очевидно, ту часть, которую дозволялось предать огласке, тщательно отфильтровали и отредактировали. Юй Вэйчжэнь тоже не отставал; если положить их послужные списки рядом, они предстали бы двумя золотящимися чистыми листами. Чжан Тяньсинь изо всех сил пытался хоть что-то разглядеть сквозь эту белизну.

— Как думаешь, каким образом сюжет двинется дальше? — пробормотал он. — Маленький босс уехал в командировку, а мне дали полдня отгула. Если я не появлюсь в офисе, мы же никак не столкнемся? Разве что ломиться напрямиком в штаб-квартиру и дежурить под окнами.

Впрочем, подтолкнуть сюжет можно было куда более простым и грубым способом: например, РРС наконец-то засекала в их компании кого-то с красным ником, кто целыми днями мотается где попало и пытается скачать секретные файлы. После чего выслать штурмовую группу, которая с молниеносной быстротой явится на место, опечатает двери и защелкнет на запястьях наручники.

— Едва ли до такого дойдет... — пробормотал Чжан Тяньсинь.

Он остолбенело повернулся к Девятьсот девяносто шестому, когда до его слуха донесся приближающийся вой сирен.

— Мы снова встретились.

Юй Вэйчжэнь мягко улыбнулся.

— Не стоит так нервничать, я здесь, чтобы вытащить тебя.

Вторая встреча в комнате допросов застала врасплох обоих. Чжан Тяньсинь наконец-то добился своего — теперь у того была зафиксирована его фамилия и имя.

Выручать из отдела по надзору за общественным порядком любителя лепешек с начинкой... Хотя ситуация и не располагала, Чжан Тяньсиню отчаянно хотелось горько усмехнуться.

Обстановка здесь напоминала допросные в участках из телесериалов: сине-белая гамма, пластиковая и железная мебель; перед Чжан Тяньсином, за спиной у Юй Вэйчжэня, красовалось зеркало с односторонней видимостью. Главным же отличием служили усеявшие потолок камеры — они охватывали все триста шестьдесят градусов и были направлены исключительно на него.

— Интеллектуальная облачная платформа видеонаблюдения, — перехватив его взгляд, пояснил Юй Вэйчжэнь. — Продукт телекоммуникационной компании, сейчас все они на одно лицо. Распознавание микромимики делали их подрядчики, технология уже позволяет выдавать результат анализа в реальном времени.

Услышав это, Чжан Тяньсинь вздохнул:

— ...Ощущение, будто снова вернулся на урок в старшей школе.

Юй Вэйчжэнь вновь понимающе улыбнулся.

В подобной обстановке он держался куда непринужденнее, чем на работе: был одет не столь официально, рукава рубашки закатаны, верхние пуговицы расстегнуты. Чжан Тяньсинь бросил на него пару взглядов и отвел глаза; посмотрел еще раз — и снова отвел.

Просто... это было сродни тому, как если бы коллекционная фигурка вдруг ожила сама собой, что неизбежно давило на психику. При близком контакте Юй Вэйчжэнь казался еще более хрупким, чем во время совещаний, а тусклый свет допросного помещения придавал его коже болезненную бледность, сквозь которую едва проступали тончайшие синеватые венки.

Чжан Тяньсинь заметил, что у него очень светлые зрачки, да и волосы не были угольно-черными. Подобная обстановка в комнате допросов... словно чужеродная текстура, привносившая нотку неуместной легкости.

Больше Юй Вэйчжэнь ничего не говорил. Он подпер рукой подбородок, а пальцы второй методично выстукивали дробь по столешнице. Проследив за его взглядом, Чжан Тяньсинь уперся глазами в пустую точку.

Мгновение спустя дверь допросной отворилась. Стоявший на пороге человек кивнул Юй Вэйчжэню, после чего вошедший сотрудник принялся расстегивать наручники на запястьях Чжан Тяньсиня.

— Пойдем.

Юй Вэйчжэнь зашагал впереди.

Пока они покидали здание управления по охране правопорядка, Девятьсот девяносто шестой неустанно сканировал всё вокруг. Из соображений безопасности систему запрограммировали так, чтобы она не удалялась от хозяина более чем на три метра, поэтому за всё время они так и не узнали, кто именно восседал в смотровой комнате за зеркалом. Чжан Тяньсинь интуитивно чувствовал: там сидел либо кто-то донельзя близкий Юй Вэйчжэню, либо вообще никого не было.

Встречавшиеся на пути сотрудники при виде них слегка замирали — впрочем, их было немного, здание правоохранительного ведомства пустовало. Атмосфера царила столь же мрачная и давящая, какой и представлялась, и огромные панорамные окна с лифтами ничуть не разряжали обстановку. Те люди, думал Чжан Тяньсинь, те люди знали Юй Вэйчжэня.

Пока что абсолютно все, с кем они пересекались, узнавали его... Нет, пожалуй, так сказать было нельзя. Часть из них действительно реагировала на него как на старого знакомого — они не отводили глаз при встрече и обменивались скупыми жестами; остальные же просто бросали на него подсознательные взгляды, задерживая внимание на его лице и фигуре. В этом читалось больше любопытства, чем приязни, и называть это «знакомством» было бы слишком преждевременно.

Чем сильнее нарастало его замешательство, тем тщательнее он старался не подавать виду.

Они сели в представительский автомобиль. Чжан Тяньсинь велел Девятьсот девяносто шестому пробить номерной знак, и его замершее сердце наполовину оттаяло — машина принадлежала головной корпорации.

Ха, надо же, ему довелось присоседиться к чужому богатству. Словно освобожденный из заключения триумфатор, возвращающийся в компании начальственного авто... Чжан Тяньсинь продолжал со вздохом прикрывать лицо ладонью.

— Довезу только до офиса, — взглянув на часы, бросил Юй Вэйчжэнь. — У меня еще есть дела.

— О-о, без проблем, огромное спасибо, только...

Словно предугадав его вопрос, Юй Вэйчжэнь оборвал его на полуслове и коротко бросил:

— По чьей-то просьбе.

Если бы тебя арестовали, вся компания снизу доверху полетела бы в тартарары из-за аварийного отключения — я слишком занят, чтобы тратить время на проблемы дочерней

фирмы.

Юй Вэйчжэнь выражался на редкость прямолинейно, совсем не так, как ожидал Чжан Тяньсинь. Он невольно проникся глубоким уважением к обаянию «злодея», восхитившись тем, как нешаблонно прописан его образ, впитавший в себя все самые популярные тренды.

Впрочем, пожалуй об этом пришлось очень скоро — людям вовсе не обязательно быть столь прямолинейными.

К тому моменту Чжан Тяньсинь уже стоял у входа в компанию. Раздвижная дверь служебного автомобиля не оставила ему шансов на прощание, захлопнувшись с сухим щелчком. Но он никак не ожидал, что Юй Вэйчжэнь опустит стекло.

— Я дам тебе лишь один совет, — произнес он.

Пара сияющих на солнце глаз цвета стекла смотрела прямо на него, не смещая фокус ни на миллиметр.

Именно туда, где прятался Девятьсот девяносто шестой.

— Ты выбрал худшее из возможных времен.

Отвернувшись и откинувшись на спинку сиденья, Юй Вэйчжэнь заговорил прежним ровным и холодным тоном:

— Сиди тихо и не высовывайся.

<http://bllate.org/book/19422/1902012>